

Помните **НАСТАВНИКОВ ВАШИХ**

Архимандрит Троице-Сергиевой Лавры
Наум (Байбородин)
в воспоминаниях современников

Сборник

**Поминайте наставников ваших...
Архимандрит Троице-Сергиевой
Лавры Наум (Байбородин) в
воспоминаниях современников**

«Сибирская Благовонница»

2019

УДК 291.6
ББК 86.372

Сборник

Поминайте наставников ваших... Архимандрит Троице-Сергиевой Лавры Наум (Байбородин) в воспоминаниях современников / Сборник — «Сибирская Благовонница», 2019

ISBN 978-5-00127-113-0

В начале XX века Святая Русь прощалась с великим подвижником, которого еще при жизни называли «всероссийским Батюшкой», – кронштадтским протоиереем Иоанном Сергиевым. Он назвал свой автобиографический труд «Моя жизнь во Христе». Так дерзновенно мог сказать о себе только праведник, каждый день жизни которого был прожит со Христом, во Христе и ради Христа. Столь же совершенной была жизнь современного подвижника благочестия архимандрита Наума (Байбородина; 1927–2017). Многие из тех, кто знал Батюшку и кому он дорог, соткали этот свиток воспоминаний в надежде, что современникам пригодится в жизни то, чему он учил.

УДК 291.6

ББК 86.372

ISBN 978-5-00127-113-0

© Сборник, 2019

© Сибирская Благовонница, 2019

Содержание

Краткая биографическая справка	6
Архимандрит Наум (Байбородин) в воспоминаниях современников	8
Воспоминания митрополита Вефодия[1]	9
Воспоминания митрополита Никона[3]	13
Воспоминания игумении Марии[4]	20
Как все начиналось	20
О советских студентах	21
Как мы сдавали научный атеизм	22
Ошибки нашего поколения	23
Поездка в Троице-Сергиеву Лавру	24
Тайный постриг	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Поминайте наставников ваших

© Пермский Успенский женский монастырь, текст, 2019

© Сибирская Благовонница, оформление, 2019

Краткая биографическая справка

Архимандрит Наум (в миру – Николай Александрович Байбородин) родился 6 декабря 1927 года, в праздник блгв. князя Александра Невского, в с. Мало-Ирменка Ордынского района Новосибирской области в семье крестьянина Александра Ефимовича и Пелагеи Максимовны Байбородины. В воскресенье, 25 декабря того же года, был крещен в Сергиевском храме родного села. Вскоре родители переехали в г. Советская Гавань Приморского края, где мальчик посещал школу. Но в связи с начавшимися военными действиями в стране Николай, закончив 9-й класс, вынужден был прервать учебу.

В октябре 1944 года Николай Байбородин был призван в ряды Советской Армии и проходил срочную службу в авиатехнических частях:

сначала в авиационной радиотехнической школе г. Фрунзе, затем переведен в г. Ригу (Латвия), служил в воинских частях г. Калининграда и г. Шяуляя, обеспечивал техобслуживание аэродромов. Впоследствии был награжден медалью «За победу над Германией» и медалью «30 лет Советской Армии». В ноябре 1952 года был демобилизован в звании старшего сержанта. По окончании службы перед демобилизацией Николай Байбородин был награжден памятной фотографией у знамени части, что являлось высоким поощрением военнослужащего. Вернувшись домой, Николай закончил прерванное обучение в вечерней школе, в 1953 году поступил на физико-математический факультет Киргизского государственного университета.

В 1957 году он поступил в Московскую духовную семинарию. 14 октября того же года Николай Александрович был принят послушником в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. 14 августа 1958 года в Троицком соборе Лавры наместник обители архимандрит Пимен (Хмелевский) совершил постриг послушника Николая в монашество с именем Наум в честь преподобного Наума Радонежского, ученика преподобного Сергия (память – 19 июля). Спустя два месяца, 8 октября того же года, в Сергиевской церкви Троице-Сергиевой Лавры (Трапезном храме) митрополитом Новосибирским и Барнаульским Нестором (Анисимовым) монах Наум (Байбородин) был хиротонисан во иеродиакона. Ровно через год, день в день, 8 октября 1959 года, в Успенском соборе Лавры митрополит Одесский и Херсонский Борис (Вик) рукоположил иеродиакона Наума в сан иеромонаха. После окончания в 1960 году по первому разряду духовной семинарии, поступил в Московскую духовную академию, которую окончил со степенью кандидата богословия.

25 апреля 1970 года иеромонах Наум возведен во игумена. В 1979 году ко дню Святой Пасхи отец Наум был возведен в сан архимандрита. Многие годы был членом духовного совета Троице-Сергиевой Лавры и одним из наиболее влиятельных духовников Русской Православной Церкви.

Скончался ночью 13 октября 2017 года на 90-м году жизни.

Архимандрит Наум (Байборodin) в воспоминаниях современников

Воспоминания митрополита Мефодия¹

С архимандритом Наумом я был знаком с дней своей юности. В Лавру приезжал я, еще будучи студентом, с 1966 года. Поначалу ездил к отцу Феодориту (Воробьеву, † 1973), был такой духовник, известный архимандрит. Позднее стал обращаться к архимандриту Иоанну (Маслову, † 1991), который преподавал в академии. Через него я и познакомился с отцом Наумом. Я продолжал свою учебу, по возможности посещал Лавру и всегда старался встретиться с Батюшкой. В одну из наших встреч он как-то интересно мне сказал:

– Ну да, учись давай, – это необходимо. Потрудишься везде, и в Москве потрудишься.

А я еще только студентом был. Потом, уже в 1976 году, я приехал в Москву, в ОВЦС², и у меня не было жилья. Пришлось остановиться в гостинице «Украина», что было и тяжело, и совершенно неприемлемо: там же толпы народа, шум, гам, после работы невозможно ни сосредоточиться, ни отдохнуть. Я поехал к отцу Науму и в разговоре упомянул о такой сложившейся ситуации.

Он посоветовал:

– Сними себе жилье где-нибудь в ближнем Подмоскowie, домик какой-нибудь.

Так я и поступил. Очевидно, по его молитвам и благословению добрые люди мне подсказали, что в ближайшем Подмоскowie имеется подходящий дом, где жили две престарелые сестры, очень верующие. Я пришел к ним, мы поговорили, и они назначили какую-то малую цену за аренду, а спустя некоторое время они совсем ничего с меня не стали брать. Только попросили, чтобы я о них помолился.

---

¹ Митрополит Пермский и Кунгурский Мефодий (Немцов).

² ОВЦС – Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата.

Впоследствии обе женщины переехали на Украину, к родственникам, и я остался в этом арендованном домике. Но известно: «Дом невелик, а сидеть не велит» – за домом уход нужен, а у меня большие нагрузки на работе, домой возвращался поздно. Ну, и ужин, конечно, приготовить надо бы. Все это ни в какие временные рамки не вписывалось, и снова поехал я в Лавру к отцу Науму:

– Отче, вот нашел жилье, а помочь мне некому, я же...

Он не дал мне договорить:

– А-а, ну да, архиерею нельзя без прислуги, без помощника. А ну-ка, вот ты, подойди сюда, – и подзывает какую-то женщину прямо из толпы; у него в приемной всегда вереница прихожан выстраивалась. – Иди сюда, Пелагия!

Повернувшись ко мне, он сказал:

– Она из Воронежа, будет тебе помогать.

Потом ей говорит:

– Поезжай и делай все, что он скажет. Сама понимаешь, что владыке нельзя без помощника...

Я возразил:

– Отец Наум, может, вы спутали, я – иеромонах.

– Ну да, да... – ответил он неопределенно.

Привез я эту Пелагию в свой дом, и она стала вести хозяйство, да так и осталась жить у меня. Позже по благословению Батюшки в доме появились матушки Анна и Анастасия, и мы все называли Пелагию «бабушкой». Ей это нравилось, она улыбалась и учила Анну с Анастасией готовить. Особенно хорошо мы проводили время постов. Пелагия делала все превосходно и была замечательной хозяйкой. Так благодаря отцу Науму у нас получилась очень дружная «семья». Постриг я Пелагию в монашество и назвал Параскевой, в честь Параскевы Пятницы. Дожила наша Параскева с нами до конца своих дней. Я же ее и хоронил и теперь ее могилку навещаю.

Я еще не раз обращался к отцу Науму, и он всегда мгновенно реагировал на мои просьбы.

Впоследствии не раз возникали в моей жизни сложные моменты. После архиерейской хиротонии я был направлен на Иркутскую кафедру. Там тоже было непросто. Приехал оттуда к Старцу. Это было где-то в 1980 году.

А он говорит:

– Так это же моя дальневосточная земля, это все мне знакомо. Что там у тебя за дела, чем тебе помочь? У тебя есть такая книжка?

Ну какие тогда книги были? Да никакие!

Я говорю:

– Нет, такой не имею.

– Ну вот, возьми. Она хоть и полуиздательство, но тебе будет интересно.

Потом, когда я служил в Воронеже, а затем в Алма-Ате, тоже приезжал к отцу Науму. Иногда приезжал свои вопросы решать, но были и другие случаи, когда мне приходилось жаловаться Батюшке на его же духовных чад. Был у него дар рассуждения, и он мог по справедливости все рассудить.

Например, был случай в Алма-Ате. Там много духовных чад отца Наума, среди них и священники были. Когда они к нему приезжали, то у них прямо крылышки вырастали – такими все ангелами становились. Но как только выходили из приемной, то, бывало, начинали вести себя не вполне адекватно. Одного из таких батюшек я раз предупредил, два предупредил, а потом сказал:

– Как только приеду в Москву, непременно зайду к отцу Науму и скажу ему, что ты себя ведешь неправильно.

Так и сделал, потому что этот священник в очередной раз провинился.

Приехал я к Старцу и говорю:

– Отец Наум, кроме всего прочего, у меня к вам дело. Такой-то батюшка ведет себя не вполне...

– Как! И он не слушает Мефодия! Да что же это такое!

Через некоторое время он вызвал этого священника к себе и, видимо, между ними состоялся серьезный разговор, потому что этот батюшка вернулся в Алма-Ату и просил прощения и действительно все в своем отношении к делу исправил.

Когда в очередной раз я зашел к отцу Науму, он спросил:

– Как ведет себя тот священник?

– Да, знаете, – говорю, – подействовала ваша беседа и ваше благословение. Он исправляется и, надеюсь, исправится окончательно.

Конечно, отец Наум был человеком, полностью преданным воле Божией, служению церковному, людям. Он себя действительно не щадил. А в каких совершенно неприемлемых условиях начинал он в 1970-е годы свои приемы в качестве духовника: пасмурный цементный подвал без окон с выходом в длинный узкий коридор, по стенкам которого лепился народ! Только благодать Божия его поддерживала, потому что невозможно вытерпеть хотя бы в течение часа все это: спертый воздух, отсутствие дневного света, да еще люди с разными мыслями, чувствами, просьбами, страхами. И все хотели от него что-то получить. Нечасто приходили к нему сообщить о своих радостях и жизненных успехах. Приходили с бедами да печальями, и всем он старался помочь. Этот человек не щадил своего здоровья, не скупился на доброту к людям.

Все это так. Безусловно, Господь укреплял его, давал ему силы. И ныне, после его кончины, по всей нашей Руси-Матушке мы видим очень много людей: священников, монахинь, игумений, архиереев, которые возрастали под его духовным покровом. А сколько монастырей воссоздано из руин по его благословию, сколько монастырей появилось на совершенно новых местах! Он присылал туда игумений, да просто сестер много раз посылал. Конечно, это великий дар, который дается избранныкам, к коим, несомненно, относится отец Наум.

Поэтому память о нем жива и будет жить. Люди, и я в том числе, всегда с любовью вспоминаем его. Я молюсь, дабы Господь поселил его в селениях праведных. Ну а сколько еще людей за него молится, сколько благодарят его за помощь! Конечно, у него был особый дар, который не каждый может понести и не каждый может вместить.

Я вижу, когда бываю в Лавре, сколько людей всегда стоит у его могилки. Люди плачут по нему и молитвенно обращаются к нему, как к живому. И все уходят утешенными.

Надо еще вот что отметить: чтобы исполнить благословение отца Наума, надо себя внутренне к этому настроить, быть готовым принять его слова как Божию волю и выполнить ее без ропота. Иначе не следовало и совета просить. Кто-то сказал, что отец Наум – это операция без наркоза. Действительно, он мог и резко прервать беседу. Он чувствовал внутренний мир собеседника и знал, к какому человеку какой нужен подход. Когда человек приходил и ловчил, пытаясь что-то выудить или выпросить, видимо, отец Наум это чувствовал и ставил такого человека на место.

Совсем недавно я с удовольствием прочитал книгу воспоминаний об отце Науме, написанную игуменией Анатолией (Баршай), настоятельницей Никольского монастыря в Приволжске. Она откровенно рассказала, как ей, еще мирянке, жаль было расставаться с серьгами, и она их всячески маскировала – прятала под платок. Но Батюшка, видя это внутренним взором, предложил ей более экзотично украсить себя – ну, как дикари в Африке. И матушка, тогда еще молодая девушка, устыдилась этого и сразу все исправила.

Не менее интересно описывает путь своего внутреннего становления еще одна духовная дочь отца Наума – игумения Евпраксия (Инбер), настоятельница Вознесенского Ор-шина монастыря Тверской епархии: «У него великий был дар – брать человека совершенно сырого и смело направлять всю его жизнь по воле Божией. Как он с нами справлялся, не знаю. Мы

просто дикие люди были, в православие только-только начинали вживаться. А он умел мгновенно выводить людей на этот вот узкий путь и показывать, в какую сторону двигаться. Будто от земли нас отрывал!»

Действительно, отец Наум, исправляя человека, в первую очередь думал о его внутреннем преображении, о постижении духовного поприща, часто задавая тональность наперед, на будущее. Не все, правда, это понимали с первого, даже со второго раза, но уж если веряли себя его духовному руководству, то никогда потом не сомневались, что через его благословение и совет совершается воля Божия о них.

Еще раз хочу сказать, пусть наши встречи с ним были и нечасты, но он реагировал на мои слова без промедления. Мог поддержать, мог сказать, например: ты такого-то священника не особенно держи, отпусти его, пусть едет, он тебе не нужен. И я действительно отпустил. Жизнь показала, что это решение было правильным, в этом была воля Божия.

Советы отца Наума помогли мне не раз, и в итоге появилось доверие к его рекомендациям. Я доброй памятью вспоминаю почившего отца Наума и молюсь и буду молиться о его упокоении в Царствии Небесном.

Воспоминания митрополита Никона³

В октябре 2017 года почил отец Наум (Байбородин), духовник Троице-Сергиевой Лавры. Еще раньше, в феврале 2017 года, нас покинул другой лаврский старец – архимандрит Кирилл (Павлов).

Не знаем, символично ли, что в год столетия русской смуты, в дни, зеркально соответствующие датам двух революций, от нас ушли оба лаврских духовника. Жизнь, наставничество и молитвы всероссийских старцев знаменовали целую эпоху в новейшей истории Русской Церкви, хотя их деятельность, казалось, была не слишком заметна для внешней церковной жизни, сами они почти не покидали ограды Троице-Сергиевой Лавры.

Не раз нас посещало откровение, что старцы Троице-Сергиевой Лавры являются духовными преемниками аввы Сергия и характер их служения в той или иной степени напоминал подвижничество Игумена всея Руси. Духовные традиции преподобного Сергия, бережно хранимые в монастыре, оживали и для его прихожан и паломников в лице лаврских старцев-духовников.

Духовное влияние архимандрита Наума на приходивших к нему людей трудно переоценить, да и вообще измерить. Без преувеличения оно простирается во все пределы нашей страны. В Троицкую Лавру приезжали очень разные люди: архиереи, игумены, игумении, монахи, представители интеллигенции и простые миряне. К нему ехали из ближнего Подмосковья, с Урала, из Сибири и Дальнего Востока. Духовные чада Старца несли свое служение в Средней Азии, на Афоне, Святой Земле, в Западной Европе и даже Африке.

---

³ Митрополит Астраханский и Камызякский Никон (Фомин).

Люди приезжали к нему за советом в различных духовных состояниях: как утвердившиеся в православии, так и только-только воцерковившиеся или пока еще находившиеся в поиске истины.

Мы хорошо помним эту картину: скученная группа людей, где каждый смиренно ожидает своей очереди у двери Старца. Здесь все себя чувствовали равными, не было «старших» и «младших», каждый по-своему волновался, робел, думал и молился о своих проблемах. Выходили из келии Старца – иногда напряженные, задумчивые, но чаще – радостные, окрыленные.

Деятельность отца Наума как духоносного Старца пришлась на очень сложный период, когда многие входили в церковную жизнь из выжженной духовной пустыни. Большинство прихожан имели продолжительный опыт безбожной, греховной жизни. Сейчас это время называется «возрождением Церкви», но тогда, по окончании семидесятилетнего открытого гонения на Церковь, при воссоздании должного строя церковной жизни на каждом шагу возникали трудности и препятствия, случалось множество нестроений, ошибок и даже падений. Люди имели ревностное желание потрудиться на ниве Христовой, но были слепы в вопросах веры, духовно немощны и неустойчивы. Господь даровал им помощь в лице духовников, которые своим словом утешали и наставляли верующих.

В 1991 году в селе Введенье, расположенном близ города Шуи Ивановской области, открылся Свято-Николо-Шартомский монастырь, где я почти тридцать лет нес послушание наместника.

Обитель была разрушена едва ли не до основания. В наследство от бывшего комплекса остались руины. Казалось, неоткуда было взять насельников, готовых к подвигу возрождения древнего монастыря. Однако по благословию Батюшки со всего бывшего Советского Союза начали приезжать люди, и по большей части молодежь. За три месяца собралось около ста человек. Старец посылал в новые монастыри тех, кого воспитывал уже не первый год, кто, духовно окрепнув сам, имел силы и желание помочь другим. А Старец продолжал руководить нами уже как насельниками монастырей.

Батюшка вникал во все вопросы монастырской жизни. Он испытал ее личным опытом, изучил труды святых отцов о монашестве и молитве. Но помимо этого он имел колоссальные практические знания: как построить храм и дом при храме, как организовать хозяйство. В этом он разбирался до мелочей и мог, например, назвать длину, ширину и высоту обычного кирпича, а также быстро подсчитать, какое количество кирпичей понадобится для строительства храма. Или мог посоветовать породу коров и коз для монашеского подворья, а также где и как лучше построить коровник. Но, безусловно, ему помогали не только практические знания. Он прозорливо видел эти «свои» монастыри и знал, что в них происходит, не выходя из своей кельи. Знаю случаи, когда он, ни разу не побывав в том или ином монастыре, с потрясающей точностью описывал, что и как в нем расположено и что еще необходимо сделать или построить.

Нельзя не отметить, что в монастырях, живущих под духовным руководством архимандрита Наума, было принято делиться и помогать друг другу. Монахи по-братски отсылали в другой монастырь излишки урожая или остававшиеся строительные материалы, а когда в какой-то обители некому было служить, туда командировали священников, сестер для обучения клироса или налаживания хозяйства. Так возникали новые обители там, где их прежде не было. Например, в Новосибирской митрополии открылось сразу несколько монастырей, то же самое на Дальнем Востоке и в Казахстане. Отец Наум принимал в этом самое деятельное участие. Причем не только духовно окормлял насельников, что, безусловно, наиболее важно, но и сам приезжал на новое место, трудился вместе со всеми, не жалея себя. Однажды за время своего отпуска вместе со своими чадами он построил храм в Казахстане (!).

По милости Божией, мне не раз довелось сопровождать Батюшку в его ежегодных поездках в отпуск. С уверенностью могу сказать, что назвать это отдыхом было нельзя. Мы, молодые

и сравнительно здоровые люди, бывшие его спутниками, с большим трудом выдерживали эти так называемые «лечебно-оздоровительные отпуска». Обычно Батюшка ехал туда, где он был нужнее всего. Он старался успеть сделать как можно больше и побывать там, где его очень ждали. В отпуске он трудился не меньше, а порою даже больше обычного.

Батюшка с архимандритом Никоном, настоятелем Шартомского монастыря (слева), и протоиереем Виктором Мнюян (справа) под стенами Суздальского монастыря

Мог пойти на стройку и начать работать, чтобы на месте оценить проект и даже что-то поправить. Попутно решал духовные вопросы своих чад, принимал исповедь, разбирал сложные ситуации. В общем, как писал о нем в своем стихотворении схиигумен Виссарион, «зря не тратил ни минутки». Он сам выбирал маршрут, и часто мы не имели никакого представления о том, куда мы едем. Батюшка руководствовался какими-то своими, лишь ему и Богу известными побуждениями, а мы иногда понимали их лишь спустя годы.

Возможно, одним из самых необходимых условий духовного роста является опыт общения со святостью. Современные афонские наставники подчеркивают важность и необходимость непосредственного духовного руководства и выражают его, например, как образ елея, переливаемого из сосуда в сосуд. Дерзнем сказать, что не так уж мало людей в России при современном духовном оскудении имели эту благодатную возможность хоть изредка припадать к «сосуду» с благодатным елеем – советам старца Наума.

Повторим, что многогранную деятельность отца Наума очень трудно оценить во всей полноте. Поверхностно коснувшись его миссионерской деятельности, невозможно представить ее масштаб. Старец курировал деятельность нескольких издательств, помогал формулировать их задачи, лично составил множество сборников из поучений святых подвижников благочестия. По его благословению было переиздано огромное количество книг – от «Добротолубия» до катехизиса. Почти каждому мало-мальски образованному человеку Старец поручал миссию духовного просвещения в своем кругу общения и всем раздавал духовную литературу. Период своеобразной «передышки» после гонений, которую получила Церковь, Старец спешил напол-

нить духовным содержанием. Кроме того, он придавал большое значение духовному образованию и поощрял обучение церковной молодежи, а также научную деятельность.

Особенное значение Старец придавал воспитанию монастырского священства. Он сам выбирал тех, кто уже готов к служению, учил, как исповедовать людей, о чем спрашивать. Учил говорить проповеди, требовал, чтобы в монастырях и на подворьях каждый день произносились проповеди и поучения. Он хотел видеть священников образованными и твердыми в вере, поэтому советовал им читать определенные книги, наставлял заниматься самообразованием, благословлял учиться в семинариях и академиях. То же самое советовал и мирянам. По его благословию при каждом храме создавались воскресные школы для детей и взрослых, организовывались богословские курсы – и все это на бесплатной основе, силами образованных монахов и студентов богословских школ.

Касательно отношения отца Наума к монашествующим без преувеличения можно сказать, что он выпестовал целое поколение монахов и монахинь, а также более десяти архиереев.

Многие, получившие его благословение на монашество, за годы окормления у Старца приобрели большой опыт иноческой жизни и духовного руководства. Нельзя сказать, что у Старца была какая-то особая система или методика воспитания. Его поучения основывались на святоотеческих традициях, однако отметим, что в своих словах и проповедях отец Наум часто обращался к образу преподобного Сергия Радонежского. Он отмечал великое смирение аввы Сергия, его служение как печальника всей земли Русской. Думается, что Старец имел в виду не только утверждение и развитие монашества как такового, но и необходимость его просветительского служения людям в наше время.

Помимо устройства духовной и хозяйственной жизни монастырей, отец Наум заботился о том, чтобы они существовали не просто ради самих себя, ибо предназначение монастырей не только в укреплении монашества, они являются еще и нравственным оплотом общества как миссионерские и просветительские центры для живущих в миру. Поэтому каждый монастырь имел сеть скитов и подворий. Например, у Николо-Шартомского монастыря было более двадцати подворий. Мы продолжали строить и восстанавливать новые храмы по всей Ивановской области. Цель этого строительства была не в том, чтобы создать какие-то дополнительные удобства монастырю. Подворья нужны были для того, чтобы как можно больше людей могли услышать слово Божие, прийти на службу, исповедаться, причаститься, а для начала принять Крещение.

В Воскресенском соборе города Шуи, который был нашим первым подворьем, в начале девяностых годов за день иногда крестилось до двухсот человек (!).

Батюшка торопил, он знал, как дорого время, ведь речь шла о спасении человеческих душ. Поэтому ждать полного восстановления храмов, появления удобств и комфортных условий для служения было некогда. Служить начинали прямо на руинах церквей и во временных помещениях. Если строили новый храм, то, как только закладывали нижний этаж, тут же быстро приводили его в порядок и начинали служить литургию, крестить, исповедовать. Сам храм строился год, два или больше, а службы уже шли, и люди приходили к Богу.

Думаем, что главной «тактикой» наставничества отца Наума был личный пример. Он явил нам живой образ монаха. Старец не советовал того, чего бы не испытал на себе. Это касалось и общей уставной жизни в монастыре, и внутренней, молитвенной. Многие отмечают, что за время нахождения в Лавре отец Наум никогда не пропускал утреннего братского правила. Даже будучи ослабленным болезнью, он продолжал следовать своему многолетнему обычаю. При возгласе на начало молебна в Троицком соборе он, как правило, уже стоял в своей стасидии – напротив раки преподобного Сергия.

В Лавре Старец ходил только в полном монашеском облачении. Его поведение соответствовало образу иноческого устройства: как он разговаривал с монахами, как с мирскими, как он молчал, даже то, как он вкушал пищу, – всё было примером сдержанности, умеренности,

строгости. Для многих пример его жизни остался в памяти как идеал, к которому следует стремиться.

Он был необычайно строг и даже безжалостен к самому себе. Послушание духовничества и окормление такого огромного числа людей не могло не сказываться на его физическом и душевном состоянии, но он почти не давал себе послаблений и не делал перерывов для отдыха. Даже в воскресные дни перед литургией он успевал принять нескольких прихожан.

Каждый пастырь по опыту знает, что означают переживания за немощных, падающих, непослушных, прекословных чад, что эти переживания порой превосходят все остальные попечения. Можно предположить, что в случае старческого руководства, непрерывного и жертвенного, эти переживания умножаются в десятки раз. Мы были свидетелями того, как преодолеваются эти скорби общения с людьми, – Христовым смирением и большой любовью. Особенная харизма дается человеку свыше при условии постоянства его подвига, и мы видели, что молитвенное предстояние и несение старческого послушания у отца Наума было непрерывным. Он всегда был очень собранным и своим примером призывал к внутренней собранности духовно настроенных людей, наипаче монашествующих. Прямо и косвенно он утверждал, что монашество – исключительно серьезное дело.

Для некоторых христиан путь монашеской жизни был трудным выбором, и люди не могли решиться на него в течение многих лет. Отец Наум проявлял здесь особую чуткость. Он нередко уклонялся от прямого ответа на вопрос «идти или не идти» и в большинстве случаев предоставлял выбор самому человеку. Распространенное мнение, что «старец всех отправлял в монастырь», на самом деле неверно. Иногда он мог дать человеку твердое указание на монашество, но это было связано с его прозорливым видением того, что в противном случае человека ждет потеря правильного жизненного пути. И мы не раз были свидетелями того, как по прошествии определенного срока это подтверждалось: человек, не послушавший старческого совета, начинал «падать» или даже вовсе уходил от Церкви.

Отец Наум обычно не был многословен. Часто он начинал разговор с новым для него человеком на, казалось бы, отвлеченные, темы, пытаясь определить духовное состояние пришедшего. Старец почти сразу давал маленькое испытание, чтобы проверить, насколько человек способен вместить, слышать и слушать то, о чем ему говорят. Иногда он говорил в образной, приточной форме, что вообще свойственно старческому руководству. Многие, запомнив начальное слово Старца, лишь спустя годы начинали понимать смысл услышанного ими иносказания. Если то, что он сказал не единожды, не было услышано, то он мог прекратить свои попытки достучаться до глухого сердца. Людей же, обладающих духовной чуткостью, он, конечно, выделял среди прочих и не оставлял без своего попечения и молитв.

Нередко он давал духовным чадам различные поручения. Для монашествующих всегда находил время для научения молитве и в зависимости от духовного возраста вопрошающего указывал на конкретные места в писаниях святых подвижников, а тем, кто имел молитвенное усердие, открывал тайны сердечной Иисусовой молитвы. Отец Наум часто повторял, что монах должен стараться творить Иисусову молитву и на богослужении, и в обычной жизни, – одним словом, везде.

Многих удивляла прозорливость Старца, а для тех, кто знал его давно, это не было чем-то необычным. Настоятели монастырей старались не только все основные, но и даже незначительные начинания в своих обителях делать по его благословию. С уверенностью утверждаем, что большая часть созданного и построенного в российских монастырях была сделана по слову лаврского духовника и освящена его молитвами. Далеко не все и не всегда понимали необходимость того или иного начинания, предложенного Старцем. Бывало, проходил целый период сомнений в целесообразности какого-то дела. И все же монахи дорожили словом Старца и выполняли его, а впоследствии открывался и смысл сказанного.

Особенное внимание отец Наум уделял исповеди. Ему исповедывались в очень тяжелых грехах. Часто к Старцу приезжали люди, находившиеся на острие греховного падения. Именно подробная исповедь у Старца была свидетельством начала исцеления души падшего человека. Иногда отец Наум намекал на неисповеданные грехи и страсти и понуждал человека к покаянию в них. Не всегда это происходило безболезненно, так что иногда Старец мог сказать твердое слово коснеющему в пороках грешнику.

Его требования к исповедовавшимся монахам были, конечно, выше, чем к людям из мира. Отец Наум щепетильно наставлял их, подчеркивая важность всех уставных монашеских правил. Многие с трепетом готовились к общению с ним, и даже нечаянная исповедь у Старца для многих иноков становилась духовным лекарством, а его краткое напутствие – указующим направлением на многие годы. Он обращал внимание на некоторые молитвы в Третьеименной и обязывал священников-духовников прочитывать их над приходящими на исповедь. Вообще он был большой почитатель канонов Церкви и часто раздавал сборники церковных правил и канонов.

Отец Наум не любил гордых. Он мог неожиданно проявить «монашескую любовь» и без предисловий напомнить человеку о смирении, погладив его против шерсти. В отношении монахов он гораздо чаще давал понять, что смирение – это добродетель, которая всегда про-

веряется. Со смиренным же человеком он обычно разговаривал благодушно, находил слова утешения, делал маленькие подарки. Но несомненно, что и тем, у кого со смирением были проблемы, он оказывал любовь, молился за них.

Дай нам, Господи, положить начало благое и молитвами наших старцев победить собственные страсти и понести посильный добросовестный труд во утверждение православной веры в современном изуверившемся мире.

Воспоминания игумении Марии⁴

*Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток.*

А.С. Пушкин

Мы с моей однокурсницей Ниной Комаровой⁵ имели великую милость Божию встретить Батюшку на своем жизненном пути, когда были студентками Пермского медицинского института. Встреча с отцом Наумом оказалась поистине судьбоносной, поскольку в корне изменила нашу жизнь, наполнив ее светлым и глубоким содержанием, до той поры нам неведомым. Именно ему мы обязаны своим становлением и своим по мере сил стоянием в истине.

Как все начиналось

С Ниной мы познакомились на первом курсе института. Обе были воспитаны в традициях православия, но до времени не знали об этом, потому что говорить вслух о Боге в те годы было опасно, настолько жестким было отношение к православию со стороны власти. Молодежь, особенно студентов, замеченных в посещении храма, отслеживали и преследовали. По этой причине наша жизнь проходила отдельно от жизни Церкви, нас можно было бы назвать скорее «захожанками», нежели прихожанками храма. Причащались обычно два раза в год: Великим и Успенским постами. Неудивительно, что за первые четыре года учебы мы ни разу не встретились на службах, настолько редко их посещали. Лишь на пятом курсе во время экскурсии в Троице-Сергиеву Лавру обнаружилась общность наших интересов в главном – в отношении к Богу.

И хотя внешние обстоятельства были неблагоприятными, церковь мы любили и дорожили возможностью хотя бы украдкой посещать богослужения. Именно в храме душу охватывала радость, которую Владимир Алексеевич Солоухин выразил как ощущение, что здесь тебя «Кто-то очень любит и очень ждет». Да и не мы одни это чувствовали. Однажды Нина была на службе во Всехсвятской церкви и по голосам людей, стоявших сзади, узнала студентов нашей группы: Славу Гостинского из Львова и Гаги Надимашвили из Тбилиси. Кто-то из них тихо окликнул ее по имени, однако Нина не оглянулась. А после никто из них об этом полслова не сказал. Такое было время.

Характеризует эту эпоху случай, рассказанный Верой Сергеевной Басковой. Овдовев в первый год войны, Вера Сергеевна одна растила дочь. Работала она акушеркой. На очередном общем собрании больницы, как часто бывало в те годы, был поднят вопрос об атеистической пропаганде. Какая-то сотрудница встала и сказала, что видела «товарища Баскову» в церкви. Но Вере Сергеевне Господь дал мужества и мудрости, она тоже встала и с достоинством ответила:

– Да, я была в церкви. Но я-то знаю, что я там делала, а вот что *вы* там делали?

Наступило тягостное молчание, обвинительница не смогла что-либо ответить на поставленный вопрос, слишком очевидной для всех стала такая неприглядная грань ее личности.

На самом деле для Веры Сергеевны все могло кончиться весьма печально, но Господь ее сохранил за молитвы святителя Николая Чудотворца, великого заступника, которому она всегда крепко молилась. Эта достойная женщина впоследствии приняла монашеский постриг, а внучка ее тоже подвизается сейчас в одном из русских монастырей.

---

⁴ Игумения Мария (Воробьева), настоятельница Пермского Успенского монастыря.

⁵ Впоследствии настоятельница Суздальского Покровского монастыря игумения София (1945–2016).

О советских студентах

У нас была особенная группа: в нее взяли только тех, кто уже имел среднее медицинское образование. Группа была дружной. Материально все жили примерно одинаково, то есть очень трудно. Однако юность сама по себе наполнена радостью, ведь это время надежд и познания мира. Наши интересы не ограничивались медициной, кроме учебы мы увлекались искусством, много читали. Успевали еще и подрабатывать. Лично мне довелось потрудиться в службе скорой помощи.

В школе, училище и тем более институте нас воспитывали исключительно как атеистов-материалистов. Наивысшее значение придавалось общественным дисциплинам, таким как история КПСС, научный атеизм, исторический и диалектический материализм и т. д. Ходил даже анекдот о том, как на экзамене двух студентов, советского и американца, попросили охарактеризовать два скелета. При этом американский студент будто бы дал исчерпывающее описание, а советский лишь неуверенно произнес: «ну, это был мужчина, а это – женщина». Когда его попросили дать более глубокую характеристику, он повторил: «Да, это – женщина, а это – мужчина». Экзаменаторы возмутились: «Так чему же вас в институте учили?» И тут студент «догадался»: «А!.. Это – Карл Маркс, а это – Фридрих Энгельс!»

Наша студенческая группа

И хотя подобный юмор соответствовал идеологическому прессингу тех лет, нельзя не отметить, что учили нас в родном мединституте весьма основательно. Выпускали хороших, теоретически подкованных специалистов. Ту же Нину Комарову коллеги прозвали «доктором золотое ухо» – так тонко она умела уловить при аускультации⁶ малейшие изменения в легких или сердце. Подобное можно было бы сказать едва ли не о каждом нашем однокурснике.

---

⁶ Прослушивании.

Как мы сдавали научный атеизм

Лекции по научному атеизму читал преподаватель, о котором говорили, что в прошлом он был священником, но в силу обстоятельств «сменил» профессию. Почему-то он относился к нашему брату-студенту крайне негативно. На лекции он мог с раздражением сказать:

– Вы, претендующие на звание интеллигентов, посмотрите на себя. Девушки курят на лестничных площадках. А что вы пишете на столах!..

Позже, когда я стала преподавать в том же институте, то и сама нередко недоумевала: такие милые молодые люди сидели передо мной в белых халатах и шапочках – так кто же мог написать на столах такие нелепости?

Впрочем, молодежь я любила, и она, эта любовь, осталась во мне на всю оставшуюся жизнь. Они удивительные, наши юные соотечественники. Несмотря на то что все живое и доброе из них, что называется, каленым железом выжигается и в жизнь успешно претворяется жестокий принцип «люби себя, любимого», в их душах остается главное качество – доброта.

Верующих студентов приводила в трепет мысль о необходимости сдавать «скользкий» для нас с точки зрения религиозной этики предмет – научный атеизм. Но Господь помог нам.

С первого же курса мы с Ниной стали посещать философский кружок. Хотелось понять, почему так яростно бьются материалисты и идеалисты, почему представители различных философских течений веками не могут решить основной вопрос философии: что первично, а что вторично?

Философ Арсений Гулыга вспоминал, как в годы его учебы на философском факультете МГУ студенты весело распевали песенку, не имевшую конца:

Материя первична, сознание вторично,
а если нам прикажут, то все наоборот:
сознание первично, материя вторична.
А если нам прикажут, то все наоборот.

Студентам, занимавшимся в кружке, предлагалось написать какие-либо рефераты. Пришлось потрудиться, хотя большого энтузиазма задание не вызвало. Зато в конце семестра нам объявили: получившие за реферат положительную оценку будут освобождены от сдачи научного атеизма. И нам не пришлось лицемерить на экзамене – Сам Господь все устроил.

Спустя годы понимаешь, что марксизм-ленинизм и научный атеизм – еще цветочки по сравнению с тем, что наступает эпоха воинствующего сатанизма. Ныне на кафедрах философии не изучают Маркса, Энгельса, Ленина, их сменили куда более опасные имена, такие как Кастанеда и пр. Проводятся практикумы, которые могут безвозвратно покалечить душу.

То же самое происходит и в средствах массовой информации. Например, в газетах постоянно встречаешь внушительный прејскурант демонических услуг: снятие порчи, сглаза, проклятия, венца безбрачия, различные привороты-отвороты и прочая пошлость. К несчастью, люди не знают о гигантском количестве пострадавших от вмешательства в их жизнь экстрасенсов и колдунов. Повредившие здоровье люди часто приходят в Церковь и умоляют о помощи, но, к сожалению, иногда бывает слишком поздно. Занимаясь оккультными практиками, человек может потерять собственную волю, и тогда последствия демонических манипуляций становятся необратимыми.

Когда-то в наш монастырь из Кирова приезжала молодая интеллигентная женщина, назовем ее Елена, которая вовремя спохватилась, почувствовав беду. Дело в том, что у нее появи-

лось настойчивое желание убить свою мать, причем эти помыслы уже приняли форму императива. Елена понимала, что все это идет откуда-то извне, минуя ее волю, она же любит свою мать. Ее ум сопротивлялся и отвергал дикие приказы потусторонних сил. Одновременно с этим она чувствовала, что ее воля слабеет с каждым днем. Во избежание трагедии Елена ушла жить на съемную квартиру. С хозяйкой квартиры сложились хорошие отношения. Но в мозг ее внедрил новый помысл: убить хозяйку. И тогда исстрадавшаяся от навязчивых идей женщина обратилась в церковь. Священник направил ее в наш монастырь.

Выяснилось, что психически и физически Елена всегда была здорова, у нее два высших образования, она занимает престижную должность. К тому же она познакомилась с интересным молодым человеком, у которого, по ее словам, карьера тоже складывалась удачно. Казалось бы, все хорошо, да только ничего хорошего.

Пострадала Елена из-за своей «любопытности», правильной сказать, из-за духовного невежества. Однажды ей на глаза попался журнал, а в нем была рубрика, обучающая ворожбе. Отчасти из любопытства, а может быть, и из желания покрепче привязать к себе того человека она прочитала рекомендованное «знахарями» заклинание, причем требовалось назвать имя избранника. И она все сделала так, как было сказано. Отметим, что и Елена, и ее знакомый в то время не помышляли о Боге, не посещали церковь, даже нательных крестиков не носили, то есть были открыты всем потусторонним ветрам.

Результат превзошел ожидания: молодой человек стал буквально тенью Елены. Но разве может дьявол подарить подлинную любовь? Только навязать грязную страсть. Вскоре она возненавидела своего друга.

Развязка этой истории поучительна: человек тот сейчас находится в тюрьме, она же истерзана своими страданиями.

У нас Елена тщательно исповедовалась, соборовалась, причастилась и уехала в добром душевном состоянии. Но сколько потеряно! Каковы роковые последствия сделанных ошибок!

Подобных примеров можно было бы привести множество. В такие губительные сферы может занести человека собственное легкомыслие и какой беззащитной становится душа, не знающая Бога! Она может стать просто забавной игрушкой в демонических лапах.

Ошибки нашего поколения

Кто нарушает заповеди Божии, тот разрушает собственное счастье.

Свт. Гурий Херсонский

Сколько людей приходит к нам в монастырь со своими радостями, а чаще с печальями, в том числе и наши бывшие одноклассники и однокурсники! Только сейчас многие начинают понимать, что без Бога счастье человека весьма хрупкое. Нашему поколению приказали строго: материя первична, а потому сугубо тернистым и трудным был путь каждого из нас к Истине – к Богу.

Однако наше поколение имело одну по-настоящему высокую составляющую – любовь к Отечеству:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

А.С. Пушкин

Еще свойственна была нашему поколению какая-то чистота души и помыслов. Все-таки тот преподаватель философии был недостаточно объективен. Именно благодаря этому и создавались крепкие, надежные семьи. Так случилось у большинства однокурсников.

Но так редко можно встретить среди них *матерь, о чадах веселящуюся* (Пс. 112, 9). В своих детях далеко не все смогли воспитать не только любовь к Богу, но и к собственному Отечеству. У кого-то в поисках счастья дети оказались за рубежом, и радость общения с ними и со внуками возможна только по скайпу. Думается, что многие жалеют о том, что не смогли донести до сознания своих детей такое понятие о Родине:

Я люблю тебя, знаешь ты это,
Я всегда тебя буду любить.
То ли в платье ты белом одета,
То ли в рубище будешь ходить.
То ли лик твой сияет, как солнце,
То ли скорбью сомкнуты уста.
И с геранью в крестьянском оконце,
В белом храме, где славят Христа.
Ты мне мать и судьба золотая,
Ты одна во всех русских сердцах.
Я второе гражданство мечтаю
Получить только лишь в небесах.

Сергей Матвеев

Многие, увы, жили одним днем, в уверенности, что будущее светло и прекрасно, спланировали по одному, максимум по два ребенка. Никто и думать не хотел, что когда-то наступит старость – «подруга до гроба». Много ли счастья в одинокой старости?

Помнится, было это в конце 1970-х, вокруг отца Наума стояло много женщин. Только что исповедал он пожилую женщину, она была в каком-то национальном костюме – в длинном платье, в фартуке, в белом платочке. Батюшка говорил окружающим:

– Посмотрите, прожила она венчанная, с одним мужем, всех детей родила, никого не убила, не хитрила перед Богом. Она среди вас уже как святая.

Молодым людям хочется сказать, учитывая печальный жизненный опыт нашего поколения: будьте внимательны, ведь именно в юном возрасте совершаются судьбоносные ошибки. Потому и написано в Писании: *Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состарится* (Притч. 22, 6).

Поездка в Троице-Сергиеву Лавру

Трудно представить, как сложились бы наши с Ниной судьбы, если бы Господь не уготовил нам немислимый по тем временам жизненный путь. Этому поспособствовало одно, как тогда казалось, малозначительное событие.

Некоторые студенты занимались на Факультете общественных профессий (ФОП). Мы с Ниной тоже записались на отделение искусствоведения, где слушали лекции по истории европейской и русской живописи. Их нам блистательно читала искусствовед Людмила Александровна Евграфова. Сейчас ее уже нет в живых, и я с благодарностью поминаю рабу Божию Людмилу в своих молитвах. В конце жизни она «забыла» об атеизме и приняла Святое Крещение.

Людмила Александровна организовывала для нас поездки по музеям и галереям столичных городов, чтобы мы могли воочию познакомиться с подлинниками великих мастеров.

Несмотря на то что в зимние каникулы студенты покупали билеты за полцены, Л. А. умудрялась добиться, чтобы профком оплачивал нам и дорогу.

Помню, как в Эрмитаже экскурсовод рассказывала об искусстве древнего Египта. Мы рассматривали коллекцию памятников, изделия из дерева и бронзы. Наибольшее впечатление произвели деревянные спилы, где четко были видны семь широких колец, соответствующих семи годам благоденствия Египта во времена фараонов, и последующие семь узких колец, когда голод истощил землю. Экскурсовод не объясняла этот феномен, но знающие библейскую историю понимали значение этих «годовых колец». Она так интересно рассказывала о культуре Египта, что величие Моисея стало еще более очевидным. Ветхозаветный пророк, будучи призван Господом, не испугался оставить роскошь Египта и мужественно *предпочел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение* (Евр. 11, 25).

Троице-Сергиева Лавра в 1970-е годы

Зимой 1971 года мы осматривали московские музеи. В программу входила поездка в Загорск. Никогда не забуду свое первое впечатление от Троице-Сергиевой Лавры: сияние крестов над куполами, колокольный звон и черные, развевающиеся на ветру монашеские мантии на фоне белого снега.

Какая-то паломница, помню, сказала:

– Вот так они и в Царство Небесное будут входить.

Больше всего запомнился Троицкий собор: древние фрески на стенах, иконостас, иконы дивного письма, рака с мощами преподобного Сергия. Вдоль солеи медленно шли верующие. Возле раки все делали земные поклоны и прикладывались к стеклянному окошечку в ней. Поодаль сторонними наблюдателями стояли туристы, в числе которых была и наша группа пермских студентов. Вдруг, не сговариваясь, мы с Ниной тоже пошли вслед движущейся очереди, чтобы поклониться Преподобному. Конечно, нас могли «не понять».

Наша юность прилась на лукавое время, ведь формально Конституция не запрещала веру в Бога. Но только «как бы» не запрещала. Иезуитская власть умела отравить верующим жизнь. Так, в нашем институте годом раньше училась студентка из Тулы, окрестившая в церкви своего ребенка, что обернулось для нее настоящим бедствием.

В те годы списки с именами и паспортными данными прихожан, заказывавших требы, старосты храмов обязаны были передавать уполномоченным по работе с церковными организациями, а те в свою очередь отсылали их в партячейки учебных заведений и предприятий.

Тульскую студентку не песочили на комсомольском собрании, с ней поступили проще. Училась она прекрасно, а вот научный коммунизм сдать «не смогла». И во второй раз не смогла, и в третий. В результате ее отчислили из вуза, причем «на законном» основании.

Еще запомнился случай (а сколько подобных было!), как двух преподавателей университета уволили с работы за то, что они повенчались в церкви. Правда, они не стерпели столь вопиющей наглости и стали добиваться справедливости через суд. Спустя несколько месяцев их вынуждены были восстановить на работе. Но чего это им стоило!

Все это мы знали, понимали, что, может быть, придется расстаться с институтом, а учиться очень хотелось. Шел уже пятый год обучения. Слава Богу, о нас никто никуда не сообщил.

Благодатное просветление наших душ там, в Троицком соборе Лавры, было, несомненно, отражением духовной дружбы преподобного Сергия со святителем Стефаном Пермским. О дружбе этих святых мужей свидетельствует древнее событие. Вот как рассказывал об этом Батюшка:

«Это произошло зимой 1390 года, когда святитель Стефан Пермский ехал в Москву по важным делам. За неимением времени он не мог посетить игумена Сергия с братией, поэтому, остановившись километрах в десяти от обители, приветствовал их, благословляя: “Мир тебе, духовный брате”. В то время Преподобный с братией были в трапезной, вдруг игумен Сергей встал из-за стола, повернулся в сторону, откуда благословлял его святитель, и тихо ответил: “Радуйся и ты, пастырь Христова стада, и мир Божий да пребывает с тобою”. За столько километров он духом слышал голос, видел святителя! Братия спрашивали: “Что это такое?” – “Епископ Стефан на пути в Москву остановился против нашего монастыря и поклонился Святой Троице и нас, смиренных, благословил”, – отвечал старец и назвал даже место, где это произошло. Иноки очень удивились. Нашлись, которые вскочили на быстрых коней, поскакали и застали еще людей, сопровождавших святителя, свидетельствуя о чуде».

По сей день лаврские монахи с великим благоговением относятся к памяти святителя Стефана. Более шестисот лет в монастыре сохраняется традиция, когда на трапезе после второго блюда предстоятель встает и возглашает: «Молитвами иже во святых святителя Стефана, епископа Пермского, и преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас».

Тайный постриг

Что воздам Господеву о всех, яже воздаде ми?

Пс. 115, 3

После поездки в Лавру нас объединила тайна веры и осознание того, что отныне наша жизнь будет наполнена глубоким духовным содержанием. Жить по-старому мы уже не могли.

Бог послал нам в помощь надежных наставников, таких как священник Александр Ватлин и монах в миру Виктор Васильевич (Плешков)⁷. Пермскую епархию возглавлял в те годы архиепископ Иоасаф (Овсянников), человек святой жизни, духовный отец архимандрита Наума.

Я бесконечно благодарна тем людям, которые познакомили нас с Батюшкой. Это произошло в августе 1972 года. До окончания института оставался год. Перспективы личной жизни каждой из нас имели уже вполне определенные очертания, однако встреча с отцом Наумом все изменила. Конечно, это было неожиданно, но я до сих пор не устаю благодарить Бога за то, что Он повел нас по жизни «иным» путем.

За Богом последовали мы *невозвратным желанием*⁸ и по окончании института по благословению Батюшки приняли иноческий постриг.

Постриг совершил архимандрит Амвросий (Иванов), у которого с Батюшкой было полное взаимопонимание. Это был один из последних Оптинских монахов, много пострадавший ради Христа, прошедший аресты и лагеря. В советские годы отец Амвросий служил в храме села Балабаново, что по Курской дороге, поэтому многие знают его как старца Амвросия Балабановского. Сейчас, насколько я знаю, готовят документы для его канонизации в лике преподобного.

Постриг совершался вечером 10 июля 1973 года. Мы тогда не догадались сопоставить день пострига с празднованием иконы Божией Матери «Троеручица», которую почитают как Игумению всех иночествующих. И это не было простым совпадением: позднее и Нине, и мне суждено было стать игумениями.

---

⁷ Краткие сведения об этих и других замечательных людях, благодаря которым мы пришли к Богу, помещены во второй части этой книги – «Пермский патерик».

⁸ Из акафиста преподобному Сергию.

Схиархимандрит Амвросий (Иванов) из села Балабново.

Слева схимопахиня Серафима

Чин пострига стал главным событием нашей жизни. Навсегда запомнились легкость и свет в душе, когда мы, две инокини, как на крыльях летели через поля и перелески, чтобы успеть на последнюю электричку. В тот вечер к нам пришло четкое осознание того, что для мира мы умерли безвозвратно. Конечно, мы продолжали ходить на работу, лечить и любить своих больных, но при этом понимали: теперь у нас свой, монашеский путь и мы обязаны хранить в себе верность святым идеалам.

Наша жизнь словно поменяла русло. Во время отпусков мы, как правило, уезжали в монастыри – в Пюхтицы или Ригу. В России тогда не было ни одной женской обители.

Однажды Батюшка благословил нас объехать семь-восемь монастырей. Мой отпуск заканчивался, а у Нины только начинался. В нашем распоряжении была неделя. Мы взяли исполнить послушание. Ночами ехали в поездах, а днем успевали посетить один, а то и два монастыря (в Киеве – Покровский и Флоровский). Побывали в обителях Западной Украины: в Корецке, Мукачево и Золотоношах. Так и объехали семь обителей. В Москве на площади трех вокзалов мы простились. Нина поехала в Пюхтицы, а я домой – в Пермь. Получилось, что я побывала в семи монастырях, а Нина уезжала в восьмой. Вот они, «семь-восемь», – все сбылось в точности.

Тогда мы не понимали, для чего это нужно. О возрождении монастырей никто из нас и не мечтал, такого просто быть не могло в стране воинствующего атеизма. До времени христиане не ведали, что Господь готовит их к возрождению православия, открытию новых храмов и монастырей. Отец Наум исподволь направлял нашу жизнь в нужное русло, желая научить нас монастырской жизни, понимая, что со временем все это нам будет жизненно необходимо.

Однажды Старец отправил нас в Ригу с таким благословением:

– Обратитесь к матушке с просьбой устроить вас в ее игуменских покоях.

Мы были в иноческом постриге, но внешне ничем не отличались от сверстниц, так как носили обычную одежду. Непросто было нам озвучить игумении *такую*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.